

О. Б. Степанова

СТРАТЕГИИ ЗАГОТОВКИ И МЕТОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРОВ У СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

В статье рассматриваются стратегии заготовки и методы использования дров, выработанные коренным малочисленным народом Арктики – северными селькупам в процессе адаптации к местным природно-климатическим условиям и социально-экономическим и техническим изменениям, которые приносило в их жизнь время. Традиционная система жизнеобеспечения селькупов не предполагала заготовки больших объемов дров ни в один из сезонов, дрова запасались на непродолжительный период использования. Селькупские промысловые стоянки устраивались в тех местах, где имелись дрова. Среднетазовские селькупы, проживающие в лесотундре, в отличие от своих верхнетазовских сородичей, населяющих зону тайги, нередко испытывали дефицит качественного топлива и тратили больше сил на добычу дров. Стратегия регулярного пополнения небольшого топливного запаса, получаемого поблизости от жилища, по сей день применяется селькупам, ведущими традиционное хозяйство, летом. Однако зимние стратегии заготовки дров у всех северных селькупов изменились: у русских был перенят принцип создания большого зимнего дровяного резерва. В процессе заготовки топлива у селькупов возникают новые отношения с государством, помогающим им в лице организаций социальной направленности. Крупные перемены для всех селькупов произошли в технической части топливно-заготовительных стратегий: в быт вошли бензопилы, которыми теперь производится заготовка дров, и снегоходы, мотоциклы, моторные лодки, грузовые автомобили, каракаты, на которых они доставляются. Наряду с заводской техникой у селькупов активно стали применяться самодельные санки и тележки «на ручной тяге» для подвоза дров на маленькие расстояния. Основными селькупскими устройствами, в которых происходит сжигание дров, остаются костер, дымокур и вставшая в традиционный ряд позже печка-буржуйка. Дрова у селькупов служат не только для обогрева жилища и приготовления пищи, они участвуют во множестве хозяйственных операций, в каждой из которых применяется своя технология и свой режим горения топлива.

Ключевые слова: северные селькупы, топливно-заготовительные стратегии, дрова, отопление, приготовление пищи, традиции, новации

Введение

Статья посвящена важнейшему элементу традиционной культуры жизнеобеспечения северных селькупов – дровам. О значении дров в жизни селькупов нет необходимости говорить особо: использование этого традиционного топлива было и остается первейшим условием селькупской жизнедеятельности в суровых условиях северных широт. В исследовании анализируются стратегии заготовки и методы расходования дров, рассматриваются виды дров в зависимости от их применения, определяются новые социальные отношения, возникающие в процессе создания запаса этого топливного ресурса. Проблема заготовки и использования дров у селькупов до сих пор никем из ученых подробно не освещалась, поэтому изучение дровяного вопроса в селькупской хозяйственной деятельности имеет ценность для науки¹. Исследование способствует сохранению традиционной селькупской культуры, что составляет его актуальность.

Материал и методы

В научной литературе по теме статьи были найдены лишь отрывочные сведения – в трудах К. Доннера (2008), Л. В. Хомич, С. И. Ирикова, Г. Е. Аюповой (2002), П. Е. Островских (1931) и Е. Д. Прокофьевой (1977), поэтому исследование опиралось главным образом на по-

¹ Разработка дровяного вопроса у северных селькупов позволит также выработать подходы к сбору и анализу материала по аналогичной теме у других народов Сибири.

левые материалы автора, собранные в ряде экспедиций к северным селькупам (2012, 2013, 2014, 2015, 2021, 2022 гг.). Методологическую основу исследования составили анализ, описание, метод исторической ретроспективы и полевая работа, которая проводилась посредством глубинных интервью и включенного наблюдения.

Результаты и обсуждение

Логично начать исследование с анализа самых ранних сведений, имеющихся по теме заготовки дров у северных селькупов, – путевых заметок К. Доннера о его поездке на реку Таз зимой 1913 г. Маршрут К. Доннера пролегал из г. Туруханска через реки Турухан, В. Баиха и Худосей, затем вверх по реке Таз до устья реки Покольки и далее вдоль Покольки, через ее верховья на приток реки Оби реку Вах. Для исследования является существенным, что путь К. Доннера проходил по двум природно-климатическим зонам: первая половина его путешествия – до устья р. Худосей – проходила по полосе лесотундры, во второй половине он прокладывал дорогу по районам тайги. Природно-климатические условия лесотундры и тайги, где, соответственно, проживают туруханские/среднетазовские и верхнетазовские селькупы, диктуют отличия в их стратегиях заготовки дров.

Эти отличия выделяются в записях К. Доннера: когда близ устья р. Худосей, в месте, где стояла уже тогда пустовавшая Тазовская церковь, он несколько дней ожидал очередных проводников, ему пришлось пережить топливный кризис. Поблизости не было древостоя, поэтому ему с его спутником каждый день приходилось преодолевать несколько километров на лыжах в поисках карликовых берез, «скудно растущих на побережье». Из их веток они делали костер и поддерживали его весь день. Температура воздуха на этом участке путешествия держалась на отметках 50–60 градусов мороза. Костер из ветвей кустарника не спасал от холода, а лишь позволял существовать в таких условиях (Доннер, 2008: 96). На таежном участке маршрута в подобные ситуации К. Доннер не попадал, там он и его спутники не сталкивались с дефицитом топлива и не имели трудностей с обогревом. То есть добыча дров в лесотундровой зоне производится закономерно сложнее, чем в зоне тайги, что не может не отражаться на хозяйственной деятельности селькупов.

Поскольку К. Доннер проводил свои наблюдения, постоянно перемещаясь, его записи касаются в основном хозяйственных действий селькупов, находящихся в состоянии движения. Исследователь отмечает, что какое-то количество дров его спутники-селькупы всегда возили с собой, чтобы в любой момент иметь возможность растопить снег и получить воду (Доннер, 2008: 94). При переездах с чумом для остановки на ночь они старались выбрать место, где рос олений мох и можно было раздобыть дрова. Выбором места стоянки занимались возглавлявшие аргиш мужчины; ожидая прибытия остальных, они разгребали широкими лыжами снег и готовили площадку для установки чума. Когда приезжали последние нарты, одни участники аргиша распрягали оленей и выстраивали нарты кругом, другие занимались подготовкой топлива. После установки чума женщины быстро разводили в нем небольшой костер из привезенных с собой сухих дров. После этого в жилище заносили детей и домашнюю утварь, растили меховые шкуры. Пока готовился чай, съедалось – сырым – все добытое за день. Затем путники, прошедшие весь день на холоде, согревались чаем (Доннер, 2008: 102). Рубка дров и поддержание огня входило в женские обязанности (Доннер, 2008: 104).

Согласно материалам К. Доннера, когда селькупы путешествовали налегке, без чума, на ночевку тоже останавливались в месте, где можно было найти дрова. Разводили костер, делали заслон из снега и веток и ложились спать, прижавшись друг к другу. При этом, какие бы ни были размеры костра, путешественники все равно замерзали. В сильный мороз польза от костра была вообще незначительной: приходилось не спать и следить, чтобы не отморозились руки и ноги (Доннер, 2008: 97–98). Отогреться и поспать в тепле путешественникам уда-

валось лишь тогда, когда они заезжали в чум какого-либо аборигена, собственно, маршрут их путешествия так и прокладывался – от чума к чуму.

О топливных стратегиях селькупов, стационарно живущих в течение зимы на промысловых стоянках, К. Доннер пишет, что самые холодные зимние дни селькупы переживали в устьях маленьких ручьев, где росли карликовые березы, а также имелся древостой из сосны и лиственницы (Доннер, 2008: 94). То есть свои зимние стоянки селькупы располагали там, где был природный запас дров, из чего следует, что заниматься заготовкой дров на долгое время вперед для них не было смысла, и дрова запасались ими не более чем на несколько дней.

Таким образом, помимо значения дров в селькупской жизни, путевые записи К. Доннера подчеркивают отличия в добыче топлива у туруханских/среднетазовских и верхнетазовских селькупов, проживающих в разных природных условиях, содержат сведения о хозяйственных стратегиях селькупов по заготовке и использованию дров во время кочевания и при длительном нахождении на одном месте в течение нескольких холодных месяцев года и позволяют сравнить качество обогрева дорожного селькупского жилища со стационарным.

Междуречье рек Таза и Енисея к северу от р. Худосей – территория, на которой проживают туруханские и среднетазовские селькупы, – раньше официально именовалось Тазовской тундрой. Тундрой называет местность от Туруханска до р. Худосей и К. Доннер. И хотя, если судить по его описаниям, эти земли следует относить все-таки к лесотундровой зоне, есть основания считать, что раньше, во времена его путешествия, лесных участков там было меньше, чем сейчас. Сегодня густой лес растет в месте, где раньше стояла Тазовская церковь, больше леса стало и к северу от нее, в районе рек Парусовой, Момчик, Унды, поселков Сидоровск и Совречка, Советских озер: о том, что граница лесотундры передвинулась значительно на север, говорят нынешние тазовские ненцы, живущие на берегах русла Старого Таза (ПМА, 2022).

Несмотря на сокращение тундровых площадей, отличия в заготовке топлива у туруханских/среднетазовских и верхнетазовских селькупов, подмеченные К. Доннером и обусловленные природно-климатическими особенностями их мест проживания, сохраняются до сих пор. Для среднетазовских селькупов добыча топлива и в советское, и в постсоветское время являлась более трудоемким занятием, чем для селькупов Верхнего Таза. Сведения об этом были записаны автором у информанта В. Оягира, прожившего 25 лет на озере Момчик². Лес вокруг двух поселков на оз. Момчик растет не всюду, поэтому жителями применялась смешанная стратегия добычи дров: небольшие партии дров они рубили/собирали поблизости от жилища (чума, а впоследствии избушки), но для подготовки к зиме ездили за ними через озеро, на расположенный позади него «большой хребет», где «лес густой» и идет «профиль до середины», оттуда заготовленный лес возили в поселок (ПМА, 2022).

Такие поездки за дровами совершались как весной, так и зимой, как на «Буране», так и на моторной лодке. На хребте лес пилили бензопилой «Дружба», на что уходило несколько дней. Весной, по большой воде, бревна сплавляли, цепляя к лодке, «по десять штук» – за один раз больше было не увезти; в озеро спускались по маленькой речушке. Весенние дрова ждали зимы, их кололи, снимали с них кору, накрывали и придавливали палками, чтобы за лето они высыхали. Благодаря заготовленным дровам не надо было «искать сушняк, трудиться» зимой. Тем не менее на весь морозный период сухих весенних дров, даже при экономном использовании, не хватало, поэтому зимой ездили в то же место пилить сырые дрова (ПМА, 2022).

Зимняя доставка леса из-за озера требовала прокладки пути по озерному льду, для чего у жителей Момчика существовала особая технология. Чтобы проехать через озеро на тяжелом «Буране» и «не напороться на наледь», осенью, когда толщина льда достигала сантиметров двадцати, В. Оягир проходил по озеру на лыжах и с помощью топора ставил на льду вешки.

² Устье впадающей в озеро Момчик одноименной реки находится в 294 км по правому берегу р. Таз.

Зимой по вешкам можно было ездить без риска провалиться. Дрова нагружались на прицепленный к «Бурану» лист железа (ПМА, 2022).

Помимо стратегий и техник заготовки, информант описал различия дров для отопления жилища, соответствующие породам деревьев. По его словам, лучше всего горят дрова из лиственницы и сухой березы; кедр смолянистый, поэтому, когда он сухой, он горит хорошо, но коптит, а когда сырой, «вообще не горит», и даже сухой кедр плохо разгорается; береза сырая плохо горит и тоже коптит. Идеально для растопки использовать дрова из сухой ели. Сосна в округе оз. Момчик не растет (ПМА, 2022).

Один из периодов жизни В. Оягира был связан с Совречкой – небольшим поселком из 20 домов, имеющим свою администрацию и расположенным в том же климатическом поясе, что оз. Момчик, там у него жил старший брат с семьей. Брат занимался подвозом дров односельчанам: тем, которые не могли себя ими обеспечить самостоятельно, – пенсионерам, инвалидам, и школе-интернату, за что получал от государства, осуществляющего социальную поддержку этих категорий населения, зарплату. За одну поездку он привозил кубометр дров (бревен длиной полтора-два метра) в одно домохозяйство. Пилила дрова бригада лесорубов в нескольких километрах от поселка, в массиве «густого» леса, через который тракторами были пробиты профили. Домохозяйства с трудоспособными членами семьи привозили себе дрова оттуда сами, на «Буранах». В теплое время года население Совречки доставляло дрова в поселок на моторных лодках. Тогда социальную доставку дров по совместительству осуществлял местный дизелист, владелец небольшого катера-водомета – «такого сильного, как у рыбнадзора»; катер мог «тащить» против течения сразу два больших ствола лиственницы. Дизелист возил дрова всему поселку, «и все с ним расплачивались» (ПМА, 2022). То есть в поселке Совречка стратегия заготовки дров была та же, что на оз. Момчик: дрова привозились из места, находящегося на значительном удалении от жилья, заготавливаемые запасы дров стремились к объемам, необходимым на весь зимний период. В противоположность «лесным» поселкам в Совречке – поселке с официальным административным статусом – части населения помощь в заготовке дров оказывало государство, а доставка дров там осуществлялась на крупногабаритных транспортных средствах – тракторах и катерах.

В. Оягир подтвердил еще одно наблюдение К. Доннера, касающееся правила прокладывать зимний путь между стационарными жилищами, имеющими преимущества в обогреве перед чумами, которые устанавливались на одну ночь, и особо оборудованными стоянками под открытым небом. По его информации, советская власть взяла этот принцип на вооружение, и в Тазовской тундре на зимних маршрутах через каждые двадцать километров стоял пункт обогрева – чум, в котором «бабушка или дедушка сидели, печку топили, дрова готовили». Через такие пункты обогрева раньше ездили между райцентром и поселками, в частности, почтальоны (ПМА, 2022).

По сведениям В. Оягира, для валки леса в советское время и еще некоторое время после использовались разные модификации электропилы «Дружба», если кончался бензин или пила ломалась, работали «старинной» двуручной пилой, называемой «вашим-и-нашим»; для распила дров применяли опасную циркулярную пилу (ПМА, 2022). Последние свои бензопилы – «Партнер», «Стиль» Оягир уже выбирал из большого ассортимента товаров этого профиля, продающихся в магазинах поселка Красноселькуп. «Стиль» он подарил сыну, перебравшись на постоянное жительство в районный центр. Акцентируя в своих рассказах внимание на пилах, информант подчеркнул важность новых технических средств, значительно изменивших и облегчивших условия жизни «в лесу».

Рассмотрим стратегии заготовки дров верхнетазовскими селькупам – жителями тайги, они, несомненно, будут отличаться от стратегий, применяемых их туруханскими и среднетазовскими сородичами, так как в тайге дефицита леса нет, и добывать дрова легче.

Н. П. и О. И. Ириковы собирают, пилят и рубят на дрова сухостой, который примыкает к их стойбищу, расположенному в верхнем течении р. Таз. Они занимаются этим постоянно, каждый день – летом делать дровяные запасы, превышающие норму одно- или двухдневного расходования, у них не принято. При этом, кроме печки в доме и костра на летней кухне, Ириковы поддерживают постоянную работу нескольких сделанных из бочек дымокуров, дым которых спасает их оленей от гнуса. С наступлением холодов они переезжают на зимнее стойбище, которое находится «совсем недалеко», и, что важно, делают запас зимних дров. Дровами служит все тот же сухостой: они нагружают его в пластиковые сани, деревянные сани, подбитые листовым железом, или грузовые нарты и цепляют их к снегоходу. Вozить дрова на саях, прицепленных к снегоходу, – типичный для верхнетазовских селькупов (и, думается, для всех прочих селькупов тоже) метод индивидуальной транспортировки дров в зимний период (ПМА, 2021).

Л. В. Калинин – хозяин нового стойбища, расположенного в бору на высоком берегу р. Таз в четырех километрах ниже верховского поселка Ратта, пускает на дрова лес, который валит, расширяя его территорию. Он прорубает проход от стойбища к реке и от дома к хозяйственным постройкам. С некоторых деревьев он за несколько месяцев до рубки снимает кору, «чтобы они подсохли» (ПМА, 2021). По селькупской традиции стойбище должно быть светлым и хорошо обдуваться ветром, что избавляет людей и оленей от летнего гнуса и комаров. На площадках стойбищ лес обычно вырубается или хорошо прореживается. Некоторые хозяева даже пропалывают свои стойбища, выдергивая ростки новых деревьев на всей их площади. Через каждые 10 лет стойбища переносятся на новое место – за это время олени вытаптывают на них мох, которым питаются. По прошествии 10–15 лет, когда мох на старых стойбищах восстанавливается, селькупы на них возвращаются. За это время там вырастает и свежий лес, который они вновь частично пускают на дрова. Среди древесных пород Верхнего Таза преобладает сосна, поэтому дрова, которыми там отапливаются селькупские дома, как правило, сосновые.

Летнее стойбище Е. И. Ирикова на р. Покольке, после того как 10 лет назад потерялись его олени, заросло. Однако хозяин не торопится пустить на дрова молодые деревья, поскольку они дают мало тепла. Для дров он использует лес со стволами солидного диаметра, который рубит в ближайшей округе. Размер его летнего дровяного запаса – не более одного толстого соснового ствола, распиленного на чурки. Переезжая с наступлением холодов в свой зимний дом, находящийся в нескольких километрах от летнего, он заготавливает дрова на зиму, применяя ту же стратегию – рубит лес неподалеку от дома, в заготовке зимнего топлива ему помогает взрослый сын. Для подвоза дров летом хозяин приспособил «колесницу» – ручную тележку, колеса которой сделаны из срезанной верхней части толстостенных бочек из-под бензина и балансиров от «Бурана», ось из бурановской подвески, ручка из согнутой железной трубы, кузов из досок, частично обитых листовым оцинкованным железом. «Это по хозяйству – дрова, воду, мусор возить, что хочешь. Но недалеко, конечно. Скажем, до лодки, конечно, на колеснице уже ничего не повезешь, по бору только можно, где земля ровная» (ПМА, 2021). Ручные санки-волокуши – «дома чурки таскать» – у того же хозяина сделаны из задней лыжонки от самолета. На соседнем стойбище на Покольке было зафиксировано применение для подвоза дров старых детских колясок, перепрофилированных в тележки. Жители третьего, большого, стойбища на Покольке подвозят дрова и воду, используя мотоцикл с коляской. Когда-то рядом со стойбищем работали бригады лесорубов, и осталась дорога, по которой они возили на больших машинах лес к реке для дальнейшего сплава, эта дорога теперь используется обитателями стойбища для своих нужд (ПМА, 2012).

Дрова у Е. И. Ирикова и других селькупов на р. Покольке хранятся в скромных размеров сарайчиках «русского» типа. Несомненно, эти сараи пришли в культуру селькупов от русских вместе с домами, повсеместно заменившими на стойбищах чумы³.

³ «Русские» дровяные сараи фиксируются во многих «кочевых» хозяйствах как верхнетазовских, так и туруханских/среднетазовских селькупов.

А. Е. и П. Н. Кунины, проживающие в верховьях р. Толька, левого притока Таза, выбирают на дрова деревья, растущие на расстоянии 100–200 м от их летнего чума. Чурбаки поваленного и распиленного дерева они волокут к чуму в санках-волокушах, сделанных из разрезанной пополам пластиковой бочки с продетой в нее веревкой-лямкой. Мужчина валит дерево, распиливает его, а женщина перетаскивает чурбаки и потом их рубит. Заготовкой дров летом Кунины занимаются только тогда, когда они заканчиваются, максимальный запас дров, лежащих у чума, – один ствол (ПМА, 2022).

В зимних лесных хозяйствах верховьев р. Тольки заготавливают дрова на предстоящую зиму «по насту» – весной. Бревна для дров селькупы привозят к жилью на снегоходах. То есть традиция делать накануне зимы запасы дров, превышающие кратковременные потребности, сложилась и у селькупов таежной зоны. Относительно объема зимних запасов можно предположить, что он зависит от состава семьи и срока пребывания ее в течение холодного периода года на лесном угодье (многие семьи или члены семьи уезжают зимовать в поселки). Нужно также иметь в виду сохраняющуюся у таежных селькупов возможность пополнения запасов дров в течение зимы в случае, если они закончились, этой возможностью селькупы тоже активно пользуются.

От верхнетазовских селькупов автору доводилось слышать фразу, что у них «дрова в другом месте заготавливают», то есть не вблизи со стойбищем. Возникает вопрос, на каком максимальном расстоянии от лесного хозяйства может находиться дровяная делянка?

В имеющихся у автора материалах самое большое расстояние от места, где заготавливают дрова, до жилья было зафиксировано в лесном хозяйстве селькупско-ненецкой семьи Агичевых с р. Хадутей (приток р. Пур). Три брата Агичевы прореживали на дрова лес вдоль дороги, ведущей от чумов к фактории, которой они заведовали, длина этой дороги была три километра. Расколотый пополам кругляк они складывали у дороги в поленницы, чтобы впоследствии его было удобно доставлять к чумам и к дому на фактории, который тоже нуждался в отоплении. Братья транспортировали дрова и другие грузы к жилью на каракате (минивездеходе) с вместительной фабричной тележкой-прицепом. Эта техника принадлежала фактории, обустроенной по государственным программам поддержки коренных малочисленных народов Севера администрацией Пуровского района (ПМА, 2013). Однако фактическое расстояние от отапливаемых объектов до дровяных делянок, которое у Агичевых определялось нетипичной протяженностью их хозяйства, объединяющего чумы и факторию, было все-таки менее 3 км, так как делянки были расположены на равноудаленном от чумов и фактории расстоянии. Возможность дальней доставки обеспечивалась также наличием дороги и транспортных технических средств.

Тем не менее можно заключить, что наравне с заготовкой дров в непосредственной близости от стойбища таежными селькупками применяется стратегия доставки дров с более дальнего расстояния. Причины этого, возможно, кроются в бережном отношении к лесу, растущему вокруг жилой зоны, и в поиске качественной древесины: лучший дровяной лес может расти на удаленных делянках. Условием доставки леса с дальних делянок служит наличие дороги. Это условие является общедоступным, так как через все селькупские лесные хозяйства проходят старые дороги, наезженные в прежние времена оленьими упряжками.

Как было показано, стратегии заготовки дров в хозяйствах кочевых селькупов, проживающих в таежной зоне, за XX в. изменились. Традиция не делать запасов, превышающих одно-двухдневные потребности, сохранилась только в отношении летних практик использования дров. Таежные селькупы теперь массово заготавливают дрова на зиму, в чем, очевидно, сказалось русское влияние и переход к менее подвижному образу жизни, выразилось это в замене чумов на стойбища домами русского типа и утратой многими селькупками своих оленей. Вместе с тем таежные селькупы продолжают пользоваться возможностью дозаготовки дров зимой в случае необходимости.

Вывод о том, что создание топливных запасов на всю зиму изначально практиковалось в таежных селькупских поселках, имевших условно русский бытовой уклад, а затем проникло на стойбища⁴, подтверждается наличием в этих поселках устоявшихся стратегий дровяной заготовки. В поселке Толька (Верхняя или Пуровская, относящаяся к Пуровскому району) жители заготавливают крупные объемы дров, чтобы их хватило на всю зиму, в мае («тогда комаров нет и прохладно»). Каждая семья создает свой топливный запас самостоятельно. В этом процессе им помогает начальник толькинского участка сельскохозяйственной территориально-соседской общины «Ича», он вывозит дрова из леса на принадлежащем общине грузовом автомобиле. Жители валят деревья, пилят, складывают чурбаны в кучу, потом, там же на делянке, колют их на две части и снова складывают. Кто сколько приготовит – одну машину, две, столько начальник участка и доставляет в поселок. Делянки в лесу для заготовки дров специально не выделяются, жители сами выбирают места для вырубki недалеко от дороги на Перевал, по которой проходит машина. Прежде зимой дрова возили на «Буранах», а до «Буранов» – на оленях. Большинство жителей принимают помощь общины с благодарностью (ПМА, 2022).

Собранный в пос. Толька материал о формировании жителями зимнего дровяного запаса позволяет осветить еще одну грань исследуемой темы. Заготовка дров в поселке стала частью сложных (социальных) отношений руководства общины с некоторыми рыбаками-общинниками. Община «Ича» была создана, чтобы обеспечить трудовую занятость толькинцев, основное направление ее хозяйственной деятельности – добыча рыбы. Районная администрация вложила в общину огромные финансовые средства и хочет видеть в ее отчетах растущие уловы и стабильные цифры занятых в рыбной ловле селькупов. Но рыбы в последние годы в р. Тольке стало совсем мало, условия труда рыбаков остаются тяжелыми, поэтому люди в общине работают неохотно. Работа в общине многих привлекает больше из-за бензина, который та выдает своим рыбакам для промысла; полученный бензин они экономят и потом используют не по назначению. Начальник толькинской площадки общины, выстраивая производственный процесс добычи рыбы, требует от жителей покончить с заготовкой дров до начала путины, до июля, чтобы потом ни его, ни их ничто не отвлекало от рыбной ловли. Но не все хотят вывозить дрова на общинном грузовике, часть жителей заинтересованы в получении от общины под вывоз дров бензина и планируют самостоятельно доставлять свои дрова в поселок зимой на снегоходах (ПМА, 2022).

Дровяные и отопительные проблемы формируют новые социальные отношения в п. Толька уже не в первый раз. В 2010-х гг. в поселок бесплатно «подкидывали» лес («чтобы не пропадал») дорожные рабочие, которые прокладывали дороги на ближайшие к поселку буровые площадки (ПМА, 2015). «Хорошо они раньше помогали, а сейчас из-за того, что им какие-то там гайки закрутили, везде и всюду видеокамеры поставили, у них не стало такой возможности, то есть у них все возможности есть, но бюрократические преграды не позволяют» (ПМА, 2022). Еще раньше, в 1960–70-х гг., чтобы заготовить дрова для ФАПа, пекарни, школы и магазина, в поселке устраивался субботник; живущие тогда в лесу вокруг поселка оленеводы возили дрова на оленях. «Одиноким и старикам специальные работники все делали» (ПМА, 2022). Государство в лице районной администрации оказывает толькинцам помощь не только с дровами, но и с печками, в которых эти дрова сжигаются. В 2008 г. селькупы п. Толька получили в подарок от администрации 34 новых дома, в каждом из которых стояла кирпичная печь. В 2022–2023 гг. печки во всех домах Тольки сложили заново. Железные печки государство выдает селькупам для жизни на лесных угодьях.

В пос. Ратта заготовка дров на нужды поселка также выстраивает особый тип социальных связей – отношения между селькупам и работодателем. Работу полутора десяткам

⁴ Запуск этого процесса поддается датировке – он относится к началу 1990-х гг.

раттовских селькупов дает участок ООО «Ямалэнерго», в ведении которого находится поселковое жилищно-коммунальное хозяйство. Рабочие «Ямалэнерго» заготавливают дрова на делянке, пилят их для котельной и обеспечивают дровами живущих в поселке одиноких стариков. Работать в «Ямалэнерго» считают за счастье многие из мужчин-селькупов Ратты, а те, кто уже работает там, держатся за эту работу «обеими руками».

Новые горизонты исследования открывает ракурс использования дров северными селькупам. Дрова служат им не только для отопления жилища, но и для приготовления пищи (методами варения, жаренья, печения и копчения), а также участвуют еще во множестве хозяйственных операций. Устройствами для «активации» дров и поддержания нужного режима горения у селькупов служат прежде всего костер (с сопутствующими приспособлениями – палкой *чинпа* или крюком для подвешивания котла, отверстием в чуме для выхода дыма, досками, ограждающими костер по периметру, перекладами для сушки рыбы или сырой одежды, *чопсами* – рожнами для запекания рыбы и т. д.) и печки (в прошлом чумал и глиняная хлебная печь, теперь железные печки-буржуйки, кирпичные печки в поселках, железные хлебные печки, часто для лучшего сохранения жара обложенные внутри кирпичами и зарытые в землю или песок).

Интенсивность горения дров в этих устройствах селькупы по необходимости регулируют: увеличивают, добавляя туда чурок, или уменьшают, раздвигая горящие дрова и угли, закрывая-открывая печную дверцу. Чтобы сохранить горячим вскипевший котелок или чайник, его ставят на край костра или сдвигают, поворачивая *чинпа* в сторону. Когда еда готовится на печке, чайник, котелок или сковородка ставятся на ее верхнюю горизонтальную поверхность, для уменьшения температуры нагрева их переставляют с центра на край, где температура меньше. Процессы приготовления пищи и отопления жилища обычно идут параллельно: пока готовится еда, нагревается воздух в доме/чуме/палатке. Огонь, разведенный в чуме, одновременно служил источником света: К. Доннер описывает, как женщины шили при свете костра и звезд, светящих через дымовое отверстие чума. Для розжига дров применяется береста или снятая с полена стружка. Дрова перед использованием подсушивают – заносят их в жилище заранее, за несколько часов до того, как положить в огонь.

Старинный метод приготовления селькупского содового хлеба – выпекание его в продукте горения дров – золе, смешанной с горячим песком. Любимое традиционное блюдо селькупов – *чопсы* (запеченная рыба) готовится, как шашлык: рожны с насаженной на них рыбой втыкаются в землю над раскаленными углями.

В хозяйстве селькупов широко распространены дымокуры – устройства, где дрова медленно горят, выделяя дым. В дыму тлеющего костра селькупы традиционно сушат и коптят рыбу, развешанную над ним на вешалах. Такой костер может быть разведен на летней кухне, в чуме или под отдельно стоящими вешалами. Коптильные дымокуры современные селькупы делают из железных бочек от горючего, некоторые конструктивные особенности и дрова, которые в них закладывают, у верхнетазовских и среднетазовских селькупов отличаются. На Верхнем Тазу бочка без крышки с вырезанным сбоку окошком для тяги накрывается решеткой, внутри нее разводится костер из небольших пихтовых чурок, в его дыму коптится рыба, которую укладывают на решетку (ПМА, 2021). Среднетазовские селькупы бочку разрезают пополам и в нижнюю половину загружают подсушенные осиновые «жердочки»: осина придает рыбе аппетитный желтоватый цвет. В верхней половине бочки пробивают дырки и накрывают ею нижнюю часть: через дырки дым идет, и рыба не горит, а коптится (ПМА, 2022). У селькупов Тольки Пуровской были записаны сведения, что рыбу, из которой потом готовили *порс* – рыбную муку, сушили и одновременно коптили, раскладывая на сетках от железных кроватей, под сетками разводился тлеющий и дымящийся костер (ПМА, 2022).

Дымокуры также устраиваются внутри и вокруг сараев, в которых летом селькупы содержат своих оленей. Олений дымокур представляет собой огороженный жердями тлеющий

костер, топливом для которого служат толстые неколотые (сырые) дрова и положенный на них мокрый болотный мох. Испуская густой дым, дымокуры отгоняют от оленей кровососущих насекомых. В период работы дымокуров на стойбище постоянно должен находиться кто-то из хозяев, который будет следить за тем, чтобы они не гасли. Сегодня дымокуры все чаще стали делать из железных бочек из-под горючего. На дно бочки кладут угли, затем ее до верха забивают некрупными дровами-чурками и обязательно накрывают крышкой, такой дымокур будет дымить, пока не сгорят все дрова, его работы хватает на сутки. Среднетазовские селькупы лучшими дровами для дымокура называют «листвяк» – дрова из лиственницы, верхнетазовские отдают предпочтение сосне. Дымокур, спасающий человека от гнуса и комаров, селькупы делают из гнилушки – куска гнилого дерева (селькупы Верхней Тольки считают, что самый густой дым дает гнилая рябина). С появлением фумигаторов использование дымокуров из гнилушек уменьшилось, но не прекратилось.

С помощью дымокура у селькупов осуществляется одна из стадий обработки шкур, называемая дымлением. Для этого над небольшой ямкой в земле устанавливают сферическую конструкцию из согнутых ивовых прутьев и обкладывают ее высобленными кожами. Под шкурами в земляной ямке разводится небольшой костер; чтобы он давал густой дым, в качестве дров используют сырые поленья лиственницы. После обработки дымом кожа становится непромокаемой.

У каждого из прочих селькупских хозяйственных занятий, где участвуют дрова и костер, имеется своя технология и свой режим горения дров. Рыбий клей варят на костре очень долго, для вываривания берестяных тисок на летний чум нужен котел и костер большого размера; при изготовлении *анды* – лодки-долбенки залитую водой заготовку устанавливают на козлах над костром и пропаривают, поворачивая и медленно расширяя с помощью распорок (Хомич, Ириков, Аюпова, 2002: 99); заготовки полозьев для нарт загибают, распаривая над огнем предварительно вымоченную в воде переднюю часть (Хомич, Ириков, Аюпова, 2002: 55); при ковке железа огонь в костре раздувают с помощью глиняного «горно» и кузнечных мехов из оленьей кожи, а форму раскаленному изделию придают на обухе топора ударами молотка (Островских, 1931: 176); определенные дрова и огонь необходимы, чтобы получить белую золу для стирки и мытья рук, и т. д.

Огонь в селькупском мировоззрении имеет хорошо разработанную мифологическую персонификацию (Степанова, 2008), что определяет важность роли, которую он играл в жизни селькупов. Дрова представлялись пищей огня и тоже почитались: запрещалось бросать дрова в местах, где люди могут через них перешагивать и этим их осквернять (Прокофьева, 1977: 67). При заготовке дров лесу приносили жертву: «Ты хоть пошел в лес дрова рубить, ты лесу отдаешь – тряпочку завяжешь, часть себя. Ты это, отрубил, хоп, себя оставил – обмен такой» (ПМА, 2022).

Заключение

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Дрова – традиционный вид топлива селькупов и одна из основ селькупской жизнедеятельности. Адаптируясь к природно-климатическим условиям Арктики, социально-экономическим изменениям и техническим новшествам, которые приходили к ним с течением времени, селькупы выработали ряд стратегий для своего топливного обеспечения. Эти стратегии несколько различались у туруханских/среднетазовских селькупов, населяющих зону лесотундры, и селькупов Верхнего Таза, проживающих в зоне тайги: в области Верхнего Турухана и Среднего Таза процесс добычи топлива нередко был более трудоемким, он мог, например, усложняться поездками на дровяные делянки за озеро или заготовкой карликовых берез вместо качественных дров из крупных деревьев. Верхнетазовские селькупы подобных трудностей не испытывали.

При традиционном кочевом образе жизни селькупы не делали больших запасов дров ни зимой, ни летом, дрова заготавливались на непродолжительный период использования. Селькупские промысловые стоянки и ночевки при передвижениях устраивались там, где имелись дрова. Когда селькупы находились в дороге, они везли с собой небольшой запас сухих дров, чтобы, остановившись на ночь, можно было сразу, до того как будет подготовлено найденное на месте топливо, развести костер, вскипятить чайник, согреть воздух в чуме и занести в него детей. Маршрут поездок прокладывался по принципу «от чума к чуму», то есть передвижение происходило от жилища к жилищу, где горели дрова и можно было согреться. Заготовкой дров традиционно занимались мужчины, женщины разжигали костер, поддерживали его и готовили на нем еду.

С переходом селькупов к более оседлому образу жизни, связанным с появлением поселков и строительством в кочевых хозяйствах домов русского типа, селькупские стратегии заготовки дров изменились, но вместе с тем сохранили многие старые черты. Теперь все селькупы создают большой запас дров на зиму. Однако, если он оказывается недостаточным, они, как встарь, активируют возможность его немедленного пополнения. Летом селькупы запасают дрова по-прежнему на короткий период использования. Большинство верхнетазовских селькупов, имеющих статус кочевых, как и раньше, добывает топливо в непосредственной близости от хозяйств.

Традиционные стратегии заготовки дров сильнее изменились в селькупских поселках, где принцип создания большого дровяного резерва внедрялся с момента их основания. В каждом из поселков сложились свои практики запаса топлива. В процессе заготовки дров в поселках у селькупов возникают новые социальные отношения, в частности с государством, помогающим им в лице национальных общин, служб жилищно-коммунального хозяйства и других организаций, ответственных за поддержку коренных малочисленных народов Севера (Степанова, 2018).

Особенно крупные перемены произошли в технической части селькупских топливно-заготовительных стратегий. Топоры и двуручные пилы, которыми прежде рубили и пилили дровяной лес, были заменены бензопилами. Дрова к жилищу раньше подвозили только оленьим транспортом, теперь доставка стала осуществляться преимущественно на снегоходах, мотоциклах, у туруханских и среднетазовских селькупов – на моторных лодках. Там, где есть государственная поддержка, дрова перевозятся на грузовых машинах, каракатах с заводскими прицепами и прочей дорогой технике. Вошедшие в жизнь селькупов технические средства значительно облегчили селькупский быт. Для подвоза дров на маленькие расстояния селькупы стали массово изготавливать самодельные санки и тележки «на ручной тяге».

Селькупы различают дрова по породам деревьев, от которых зависит качество горения. Основные селькупские устройства для сжигания дров – костер, железная печка-буржуйка и дымокур. Дрова у селькупов служат не только для обогрева жилища и приготовления пищи, они участвуют во множестве хозяйственных процедур, в каждой из которых применяется своя технология и свой режим горения топлива.

Список сокращений:

ПМА – полевые материалы автора из экспедиционных поездок к селькупам Красноселькупского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого автономного округа и Туруханского района Красноярского края 2012, 2013, 2014, 2015, 2021, 2022 гг.

Литература:

Доннер К. У самоедов Сибири. Томск: Ветер, 2008. 175 с.

Островских П. Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 161–181.

- Прокофьева Е. Д.** Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сб. МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
- Степанова О. Б.** Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. 2018. № 2. С. 365–374.
- Степанова О. Б.** «Огненная» ипостась матери-прародительницы селькупов // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XV. Томск, 2008. С. 218–226.
- Тазовские селькупы.** Очерки традиционной культуры / Л. В. Хомич, С. И. Ириков, Г. Е. Аюпова. СПб.: Филиал издательства «Просвещение», 2002. 149 с.

Степанова Ольга Борисовна.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru

Материал поступил в редакцию 21 августа 2023 г.

O. B. Stepanova

HARVESTING STRATEGIES AND METHODS FOR THE USE OF FIREWOOD AMONG THE NORTHERN SELKUPS

This article examines the harvesting strategies and methods of firewood utilization developed by the low-population indigenous peoples of the Arctic – the Northern Selkups – as they adapted to local climatic conditions and the socio-economic and technological changes that time brought to their lives. The Selkups' traditional life support system did not involve the procurement of large quantities of firewood each season; firewood was stored for a short period of time. Selkups' fishing camps were built where firewood was available. The Selkups of the Middle Taz who lived in the forest-tundra, unlike their relatives of the Upper Taz who lived in the taiga zone, often had a shortage of quality fuel and had to make greater efforts to procure firewood. The strategy of regularly replenishing the small supply of firewood obtained near the house is still used by the Selkups, who run a traditional economy, during the summer. However, the strategies for obtaining firewood in winter have changed among all northern Selkups: From the Russians, Selkups adopted the principle of amassing a large winter supply of firewood. In the procurement of firewood, the Selkups developed new relationships with the state, which supported them in the form of social organizations. There were major changes for all Selkups in the technical part of fuel procurement strategies: chainsaws, which are now used to prepare firewood, and snowmobiles, motorcycles, motorboats, trucks, caracats (ATVs) on which they are delivered, entered everyday life. Among the Selkups, firewood is not only used for heating and cooking. It is involved in a variety of economic activities, each of which uses its own technology and method of combustion.

Keywords: *Northern Selkups, fuel procurement strategies, firewood, heating, cooking, traditions, innovations*

References:

- Donner K.** U samoyedov Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk, Veter. 2008. 175 p. (in Russian).
- Ostrovskykh P. E.** Baishenskiye ostyaki (ostyako-samoyedy) Turukhanskogo kraya v kontse XIX v. [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of the Turukhansk region at the end of the XIX century]. Sovetskiy Sever – Soviet North, 1931. No. 7-8. P. 161–181 (in Russian).
- Prokofieva E. D.** Nekotoryye religioznyye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkup]. Sbornik MAE. T. 33 [MAE collection. Vol. 33]. Leningrad, Nauka. 1977. P. 66–79 (in Russian).
- Stepanova O. B.** "Ognennaya" ipostas' materi-praroditel'nitsy sel'kupov ["Fiery" hypostasis of the mother-ancestor of the Selkup]. Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya [Works of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 15. Tomsk, 2008. P. 218–226 (in Russian).
- Stepanova O. B.** Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District] // Vestnik ugrovedeniya., 2018. No. 2. P. 365–374 (in Russian).

Khomich L. V., Irikov S. I., Ayupova G. Ye. Tazovskiye sel'kupy [Taz Selkups]. Sankt-Petersburg, Filial izdatel'stva "Prosveshcheniye", 2002. 149 p. (in Russian).

Olga B. Stepanova

Ph.D. in History, Senior Researcher.

Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera) RAS.

Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: stepanova67@mail.ru